

УДК 821.161.1-6
ББК 83.3(2Рос=Рус)6
П19

Все права защищены.
Любое использование материалов данной книги, полностью или частично,
без разрешения правообладателя запрещается

В книге использованы фотографии из архива Е.Б. Пастернака,
фонда дома-музея Марины Цветаевой
и фотоагентства ООО «Восток Медиа»

Подготовка текстов и комментарии Е.В. Пастернак, Е.Б. Пастернака

Пастернак, Борис Леонидович.

П19 **Любовь обгоняла солнце. Переписка / Пастернак Б.Л. —**
Москва : Издательство АСТ: ОГИЗ, 2019. — 432 с.: илл. +
[16 вкл.]. — (*Тайный архив*).

ISBN 978-5-17-114829-4

Борис Пастернак не вел дневников. Его не устраивал их неоформленный хаос, свойственный записям, ведущимся для себя. Их функцию взяли на себя письма, в которых в полной мере проявились личность поэта и особенности его многогранного творчества. Но прежде всего это важнейший биографический документ, в котором отразились этапы жизненного пути Пастернака и дух прекрасного, хотя и непростого времени.

В книгу вошла переписка Бориса Пастернака с родителями и сестрами (1907–1925), Мариной Цветаевой (1922–1935) и Ариадной Эфрон (1947–1955). Для этих писем характерны открытость и откровенность, поразительная интеллектуальная глубина. Главная же их тема – это любовь. Письма Пастернака остаются высоким образцом эпистолярного искусства, ныне уже совсем утраченного.

УДК 821.161.1-6
ББК 83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-114829-4

© Б.Л. Пастернак, наследники, 2019
© Дом-музей Марины Цветаевой, 2019
© ООО «Издательство АСТ», 2019

ПЕРЕПИСКА С РОДИТЕЛЯМИ И СЕСТРАМИ

Среди различных линий переписки Бориса Пастернака его письма к родителям и сестрам занимают особое место широтой биографического охвата и открытостью разговора и выбора тем. Они передают черты его характера и творческой психологии в разные периоды его жизни и показывают удивительную душевную близость сына и родителей, дающую им возможность говорить обо всем на свете и почти на равных. Между родителями и детьми, считал Борис Пастернак, столько живого сходства, что «такое письмо почти разговор с самим собой».

Письма Пастернака представляют собой непосредственное воплощение времени и его атмосферы, не менее существенное, чем его художественные произведения. В них непосредственнее и откровеннее звучат отклики на происходящее, поскольку в стихах и прозе Пастернак не позволял себе заниматься преходящими мелочами личных и общественных настроений, понятных только современникам. К тому же его литературная деятельность пришлась на время полного запрета на свободное выражение мыслей. Он говорил с нами об этом летом 1959 года. В ответ на наши сожаления по поводу того, что огромная переписка, которую он вел тогда со всем миром, не давала ему возможности работать над задуманной пьесой, он сказал, что, лишенный всю жизнь возможности свободно высказывать свои мысли в печати, он надеется в письмах изложить хотя бы немного из того, что он понял и продумал за эти годы.

Борис Пастернак не вел дневников, его раздражал тот неоформленный хаос, какой образуют записи, сделанные для себя, — свои наблюдения и чувства он формулировал в письмах, удовлетворяя ненасытную потребность самоотдачи, отчитываясь в прожитом и размышляя о случившемся¹.

¹ Здесь и далее текст составителей Е.В. Пастернак и Е.Б. Пастернака.

Начало пути

Лето 1907 года Пастернаки проводили в старинном подмосковном имении Райки, расположенном на высоком берегу реки Клязьмы в районе Щелкова. В советское время там располагался санаторий Министерства иностранных дел. В начале века имение принадлежало богатому дельцу Некрасову и многочисленные, построенные в разное время и в разном стиле дома в парке сдавались внаем. Один из них снимал на лето замечательный инженер-строитель Александр Вениаминович Бари со своей большой семьей. Его младшая дочь Ольга Александровна была художницей и ученицей Леонида Осиповича Пастернака. В 1901 году Леонид Осипович писал ее портрет, в 1904–1906 — были сделаны портреты ее сестры Анны Александровны Самойловой и их отца. По совету Бари Пастернаки заняли белый одноэтажный дом с колоннами, просторный и высокий, с большим крыльцом-террасой. Там они прожили три лета с 1907 по 1909 год. Близкое знакомство с соседями по Райкам не прерывалось и впредь. Многие из них стали моделями портретов Л.О.Пастернака. Там также жил с семьей известный врач Лев Григорьевич Левин, старый друг Пастернаков еще с одесских времен. В числе корреспондентов Леонида Пастернака в ту весну появился англичанин по фамилии Винсент, который в художественном журнале «Studio» увидел репродукции его детских портретов и зарисовок и пришел от них в восторг. Он приглашал его приехать в Англию, чтобы сделать портрет его дочери Сибиллы, и считал, что именно «англичане с их любовью к детям как никто способны оценить художника» и в Англии тот получит источник хорошо оплачиваемых заказов.

Кроме предложения Винсента, по признанию Л.О.Пастернака, его, как портретиста, давно влекли к себе знаменитые английские художники XVIII века, знакомые по репродукциям.

«Моей мечтой, — писал он, — было посетить Лондон и познакомиться с ними в оригиналах. Как это всегда со мной бывало, без вмешательства “фатума” дело не обошлось: в Москве я вдруг стал получать очень заинтриговавшие меня письма от одного англичанина, видевшего репродукции с моих набросков детей цветными карандашами в английском художественном журнале “Studio”; они ему очень понравились. В этих письмах он спрашивал, не согласился ли бы я приехать в Лондон, чтобы написать портрет или хотя бы сделать цветной набросок восьмилетней его девочки. Это показалось мне небывало интересным, своеобразным и неслыханным, чтобы из другого города, из *другой* страны человеку пришло на ум такое предложение! При этом нельзя забывать, что в Англии очень много своих прекрасных портретистов.

Так как мы с женой давно мечтали попасть в Лондон, и только страх переправы через “вечно бурный канал” и возможной морской болезни удерживал нас, то я на всякий случай обещал ему приехать летом 1907 года; в это лето мы собирались посетить Голландию и Бельгию — авось хватит смелости на переезд через канал».

Надо сказать, что основной чертой характера Розалии Исидоровны Пастернак была обостренная чувствительность восприятия, часто болезненно отражавшаяся на ее физическом самочувствии. Она мгновенно реагировала на все сердечными недомоганиями, сильные переживания выводили ее из строя. Эти особенности стали препятствием для ее музыкальной карьеры, тяжелыми заболеваниями ей приходилось расплачиваться за красоту и блеск своих концертных выступлений. При том, что она всегда была самоотверженной помощницей во всех делах мужа, управлялась с ведением дома и хозяйства, оберегая художника от хозяйственных забот, она вынуждена была годами воздерживаться от публичных концертов, ограничиваясь серьезными занятиями музыкой дома и уроками с учениками. Деликатные слова Леонида Осиповича о «их» боязни переправы нужно целиком отнести к тревожной робости его жены.

Оставив детей на бабушку Берту Самойловну Кауфман, мать Розалии Исидоровны, родители сочли возможным на месяц вдвоем поехать за границу. Они впервые оставляли детей, девочкам Жоне и Лиде было 7 и 5 лет, Боре и Шуре — 17 и 14. При девочках была немецкая гувернантка, Fräulein. Мальчикам было поручено писать подробно обо всем, что происходит в доме, успокаивая материнские волнения по поводу детей и боязнь детских простуд ежедневными реляциями.

Не в силах ограничиться одними справками о здоровье, которые единственно, — по мнению бабушки Берты Самойловны, — нужно сообщать родителям, чтобы они не беспокоились, Борис рисовал в своих письмах картины их времяпрепровождения, праздники, игры и развлечения, не позволяя себе, однако, ни единым намеком раскрыться душевно и признаки своего душевного состояния скрывая под шуткой, смешными домашними словечками, гимназическими учениями, передающими семейную атмосферу веселого подтрунивания друг над другом. Может быть, открытки брата Шуры несколько более точно соответствовали заданным условиям.

Но инфантильность эта напускная, серьезные занятия музыкой, которой он посвящает душу и время, упоминаются мельком, но погруженность в нее прорывается обилием оснащающих его речь музыкальных терминов. Он пишет о преодоленной боязни по отношению к бабушке, которая, к его радости, никоим образом не стала помехой его занятиям.

За чередой шуточек можно уловить уже отмечаемое в семье сочетание в нем поэтических и философских склонностей. Обостренное восприятие музыки и удивительная взрослость проявляются в написанных одновременно письмах к Павлу Давыдовичу Эттингеру, что позволяет говорить о сознательно взятом на себя шутливо-успокоительном тоне писем к родителям. Борис пишет Эттингеру о мучительных сомнениях в музыкальном призвании и о душевном одиночестве, скрашиваемом поклонением природе и красоте.

Старший сын, на которого возложены обязанности отчитываться в событиях и передавать родителям семейные новости, строго относится к отцовским делам, отвечает на полученные им деловые письма, посылает выписки из них и самостоятельно распоряжается, показывая полную осведомленность во всем, касающемся отца.

Первым делом родители должны были остановиться в Берлине у своих старых друзей Розенфельдов. Розалия Александровна была подругой Пастернаков еще по Одессе, она была тоже пианисткой и они часто играли в четыре руки, что однажды запечатлел Л.О.Пастернак на своем рисунке. Она вышла замуж за коммерсанта Юлиуса Сергеевича Розенфельда и переехала в Берлин в 900-е годы. Их сын Володя был, по воспоминаниям девочек Пастернак, толстым избалованным мальчиком, Боря Пастернак передает ему привет на полях одной из своих открыток. В прошлом году, проведенном семейством Пастернаков в Берлине, старая дружба возобновилась и укрепилась.

9 июля 1907. Райки

Parentes carissimi!

С приездом в Берлин или, может быть, даже с проездом через Берлин. Вчерашний ваш отъезд мы справили «венедианским» гулянием с иллюминацией, песнями, под благонадежным надзором. Тимковский, Нерсесов, Эйзенман, Бари tutti, Лиза, Gallina, мы. Переправились на остров, навесили безумное количество фонариков, нарвали хмелю, обвинили им две лодки (с мачтами и фонариками), зажигали, восторгались, пели, натыкались на берега etc. В черной змейками колеблющейся, маслянистой жидкости пруда металлически яркое отражение фонариков, — это было замечательно. Луна была — первостатейная. Бари знают уйму шансонет на всех языках и такую же массу народных песен. Жаль, что я с Шурой не знаем. Если я вам пишу все это, то тем самым доказываю, что ни о чем другом писать не стоит, так как день во всех отношениях прошел, как с вами; приходили Аля и Лева чай пить. Бабушка хороший обер-интендант, но она умеет очень хорошо волноваться (например, по поводу того, чтобы мы пальто вечером одели) и приписывать беспокойства и волнения другим. Так, вы, по ее толкованию, два психопата, которым нужно писать *только* про здоровье и всякое отклонение от этого, нормального содержания письма может вас начать беспокоить.

Ну, всего, всего лучшего, желаю и дальнейшей такой же счастливой дороги. Смотрите, наслаждайтесь и не будьте психопатами.

А бабушка доходит до смешного!

Бесчисленные чмоки и причмокивания, пожелания, поклоны etc.

Сохранилась открытка от Шуры:

10 июля 1907. Райки

Дорогие папа и мама.

У нас все обстоит благополучно, твой страх, что бабушка не в состоянии будет справляться, не осуществился. У нас, как ты и хотела, мама, еда переставлена на 1 и 7. Одним словом, все благополучно. Жоня и Лида здоровы и веселы, пока совсем не замечают вашего отсутствия. Теперь у нас уже второй день страшный ветер, так что детки гуляют в накидках. Надеюсь, что и у вас все благополучно. Ждем писем.

Ваш Шура.
Поклон всем.

10 Борис Пастернак. Любовь обгоняла солнце. Переписка

Внизу открытки приписка от Бориса, полная чувства ответственности за младшего брата:

Дорогие!

Я нарочно буду заставлять Шуру изредка писать вам, для практики. У нас очень холодно и уже два дня сильный ветер. Вчера Жоня и Лида пили чай у Бари и вообще ведут себя прекрасно. Думаю, что эта открытка застанет вас уже в Германии.

Ваш Боря.

Поклоны Р.А., Ю.С. и Володе.

На следующий день пришла открытка от родителей, посланная с дороги, сразу после отъезда из Москвы, еще полная материнской тревоги. Они пытаются начать жить своим путешествием, но еще всеми мыслями дома, беспокойства и заботы которого взяли с собой. Открытка написана Л.О.Пастернаком.

8 июля 1907. Гжатск

За Можайском! Гжатск.

Дорогая бабушка, дорогие мальчики и девочки!

Пьем чай за ваше здоровье, только о вас и думаем. Мама забыла наказать, чтобы в свежую погоду одевать девочкам башмаки; кста-ти их надо сейчас же отдать сапожнику, чтобы поскорее поправить. Спокойной ночи.

Цалуем крепко. Все чтобы писали подробно на Берлин. Цалуем всех.

Ваши родители.

11 июля 1907. Райки

Сегодня получили вашу Гжатскую открытку в то время как вы, наверное, на пути в Голландию. Со дня вашего отъезда отвратительная погода и холод адский. Сегодня получили через контору Бари письмо от Феди и серсо, а вчера только я отправил ему открытку с просьбой купить подарки для Али и Левы. Сейчас пойду в Городищи телефонить ему, чтобы он не покупал, хотя мне почему-то сдается, что вы серсо купили специально для Лиды и Жони которых я зову теперь для разнообразия Hannele (Иоанна) и Бетси (Елизавета); это их приводит в восторг неопишуемый. Они приглашены к Бари в четверг на целый день! Как тебе нравится письмо Энгель! Ай да Финляндия! Если вы захотите им ответить, то адрес самый простой: Lovisa Engel. Бабушка опекает, печет и опекается (крутит, крутится etc) и, кажется,

скачает, хотя мы стараемся ее развлекать. Финансы ваши поправляются, Панов-Рубцов ропщет, одним словом, все идет как по маслу. Все мы, в особенности Hannele и Бэтси, целуем вас.

Боря.

Картинки, рисующие детскую жизнь начала XX века, были бы неполны без девочек, играющих в серсо: легкий обруч перелетает от одной девочки к другой, которая подхватывает его ловким взмахом палочки и посылает обратно. Родители купили его в подарок Жоне и Лиде, попросив своего племянника Федора Пастернака переслать серсо в Райки через московскую контору Бари. Этот подарок стал сквозной темой писем этого лета.

Подобно тому, как ловили и подбрасывали свое серсо девочки, их старший брат играл и крутил словами своего письма к родителям, находя явное удовольствие в том, чтобы шлифовать и перебирать оттенки их смысла и звучания («опекает, печет и опекается», «крутит, крутится» или «Рубцов ропщет» и пр.). Через несколько лет эта способность стала излюбленным поэтическим приемом в его стихах.

На двух портретах 1900 и 1903 годов отец изобразил своих дочерей, одну в фас, другую в профиль, в высоком стульчике и белых кружевных нагрудниках, похожих на топорщащиеся стоячие воротники в стиле принцесс Веласкеза. Надписи крупными печатными буквами наподобие старинных называли одну из них Жозефина-Иоанна, другую Лидия-Елизавета. Картины выставлялись и имели успех. Этим объясняется придуманная старшим братом игра в имена, вызвавшая у сестер восторг. Приближающийся день рождения внуков А.В. Бари, близнецов Али и Левы Самойловых, которым исполнялось пять лет, вызывал вопросы о подарках и просьбы к тому же Феде Пастернаку, часто приезжавшему к ним в Райки.

13 июля 1907. Райки

Дорогие мои папа и мама!

Простите, что один-два дня не писал вам, но ведь писать ежедневно при той спокойной, лишенной «лодок», купаний и всех из ряду вон выходящих явлений жизни, которую мы без вас ведем, — очень трудно, тем более, что погоды были отвратительны и приходилось сидеть дома. Откуда достать материалу даже для открытки? Я даже думал купить открытки с видами, где такая узенькая, маленькая полоска чистой бумаги и где можно так мало, мало писать, не возбудив волнения и беспокойств. Но если вы можете признать, что празднование пяти рождений райчан и райчанок, сошедшиеся

в один день, и участие в одном праздновании Hannele и Бэтси вещь интересная, то слушайте.

Позавчера были именины Ольги Александровны, О.Давыдовой и девицы того же наименования у Левиных. У Давыдовых была чудная иллюминация и фейерверк. Мы стояли с бабушкой в начале Давыдовской аллеи и все видели. Я говорю — «чудная» иллюминация, — то же самое я говорил всем, с которыми по этому поводу приходилось говорить, но в сущности мне она не особенно понравилась своей назойливой пестротой, до такой степени не гармонизировавшей с грустным и величавым спокойствием этой усыпальницы аристократии. Только лунный свет, как тоже что-то прошлое, великое и отжившее, как Todes Ahung¹ родственен этому дому и консонирует с ним в таком грустном, белом, минорном сочетании. Adagio, un poco fiemente.

Ах, Боже мой. Я ведь совершенно забыл «правила о свободе печати и слова», по которым я не имел права *философствовать*, но я упустил это из виду и прошу прощения. Я, в сущности, нечто вроде св. Троицы. Индия выдал мне патент на звание поэта первой гильдии, сам я, грешный человек, в музыканты мечу, ты меня философом считаешь, но я боюсь, что все это вызвано не реальными, наличными достоинствами, а скорее тем, что установилось общее мнение такого рода. Что мне мешает завтра сказать, что я астрономией занимаюсь, вот тебе сразу и астроном. Ну а теперь начнем лучше говорить pro domo nostra, сиречь по-русски «про дом наш».

Я был, конечно, прав, когда говорил, что серсо — для детей. Ольга Александровна купила для Али и Левы «Via per». Жоня и Лида два кораблика и хлыстики. Нам с бабушкой подарки не понравились, — «мизерабельные» несколько, а Але и Леве — понравились, ну и прекрасно. Вот у них иллюминация имела право вполне игнорировать многотерасную шкатулку, — и вышла — чудесно. Оранжевые и зеленые фонарики, которые мы ставили в траву, были очаровательны. Как раскаленные до высшей степени оранжевого и зеленого цветов столбики, окруженные соответствующим матово-мягким ореолом освещенной травы. Их сильный, напряженный свет и черная темнота вокруг (луна была за тучей) взаимно усиливали друг друга, конденсируя друг друга своей контрастностью. Получилось что-то — неестественное, перешедшее границы «личной» возможности, получалось что-то, что-то «Ich sug Ihnen что ни будет особенного, сыльное зрелище! У моей жизни!»....

¹ зов смерти (нем.).

Жоня и Лида были чудно одеты. Мы все играли в кошки-мышки etc. Я, Витя и Шура (особенно Шура) пускали фейерверк, — словом, было весело. Когда-то я не любил бабушку — теперь же я ей скоро сделаю *déclaration en forme*¹, главное, я боялся, что придется идти на компромиссы в занятиях, но слава Богу, не пришлось.

Все мы здоровы, погоды изменились, Благоволение в человецех и т.д. и т.д.

Только что получили Вашу открытку из Новгорода (Neustadt). Да здравствует Германия!

А теперь о делах. Получены письма: 1) от некоего Кисина (*protégé Struck'a*, ответил и распорядился сам); 2) от дяди Карла, отвечаю сам сегодня; 3) от Vincent'a, текст привожу ниже (отяжелило бы письмо, если бы его переслал); 4) от Struck'a посылаю вам; 5 и 6) два письма от *Jüdische Kunst*², письмо и пакет с выставочными аксессуарам (карточки etc). В письме говорится, что ни Гинзбург, ни Высоцкий, ни Левитан не ответили им на письма и просят письменно или устно повлиять на Ag. Левитана *damit Sie* (то есть *Verein Jüdische Kunst*) *in Besitz des Nachlasses seine Bruders gelangen*³. В виду Fall⁴ Гинзбургу и Высоцкому — не придется устроить почетного комитета для русского отдела. А вот и Винцент.

d. 15 Juli.

Geehrter Herr!

Eben vor 3 Tagen war ich im Empfangen Ihres werthen Briefes und habe Ihnen telegraphiert, dass leider wir uns von London entfernen bis gegen den 10 Octob. Wir werden auf d. Lande seen wahrscheinlich bis Verwndten und dort würde es nicht so leich sein dort ein Portrait malen zu lassen. Es thut mir sehr leid, dass Sie die Reise so lange aufgeschoben haben. Wie bei Ihnen, entfernen sich jetzt die Leute auf d. Lande und wen Sie jetzt kämen würde es nich so leicht sein, Bekantschaften zu machen. Besser würde es sein wen Sie entw. im Herbst oder im Frühjahr kämen und dam hoffe ich dass Sie viele Aufträge bekommen würden Aufenthalt zu machen um ein wenig zu orientieren und einigen Portraits zu machen. Dan später, nachdem sie ein wenig bekant wären würden. Sie wahrscheinlich einen Monat gut beschäftigen können. In der Hoffnung dass Sie kommen würden, habe ich vielen (Freunden versprochen)? (у него написано что-то стран-

¹ официальное объяснение в любви (*фр.*).

² Общество и галерея еврейского искусства в Берлине.

³ чтобы они получили наследство ее брата (*нем.*).

⁴ убыль, отсутствие (*нем.*).

ное): Freuden gepfrochen и по-моему он это скорее о *радостях* говорит, Freunden и т.д. это вряд ли. Wen wirklich komen würde es gut sein zwei oder drei Kinderportraits voraus zu schicken damit mann sich besser Bestellungen aussprechen konte.

*Ganz hochachtungsvoll
F.Vincent¹.*

Вот и все. Орфография оригинала.

Как видишь, секретарь я хоть куда.

Шура просит сохранить открытку Struck'a (для марки) и посылать письма с разными марками (например вместо 20 ... или 10 — 5, 3, 2, 10 и т.д. Компренеште?

Послезавтра приезжает Федя. Передаю скипетр Шуре. Чмок, чмок, дражайшие родители, как завидую я вам, окруженным Rubens'ами, Ван Диками, брюссельской капустой и монтоциклами (как говорит Юра Бари), а также Rembrandt'ом, Van'ами, сырами и Van Houten-ским какао.

Ваш Боря.

Тысяча приветствий от детей, разумеется подслащенных поцелуями.

Письмо заканчивается приписками бабушки Берты Самойловны и Шуры.

В описаниях праздников в соседских и дружественных домах чаще всего называется имя Ольги Александровны Бари-Айзенман, дружба с которой была пронесена через всю жизнь — мы будем встречаться с нею в письмах Б.Пастернака 1920-х и 1930-х годов. Тем же летом Борис писал Эттингеру, что среди многочисленных участников общих прогулок, «лодок» и купаний в Райках «нет никого, никого интересного, единственный

¹ 15 июля. Уважаемый господин! Лишь три дня назад я получил Ваше подробное письмо и сейчас же Вам телеграфирую, что мы, к сожалению, уезжаем из Лондона до приблизительно 10 октября. Мы будем в деревне, вероятно у родственников, и там не так легко будет написать портрет. Мне очень жалко, что Вы так долго откладывали путешествие. Так же, как у Вас, теперь люди разъезжаются из города и если Вы сейчас приедете, будет трудно наладить знакомства. Лучше было бы, если бы Вы приехали осенью или в новом году, и тогда я надеюсь, что Вы получили бы много заказов. Насколько я смею вам советовать, лучше было бы сначала приехать ненадолго, чтобы слегка ориентироваться и написать несколько портретов. Тогда после этого, когда вы станете достаточно известным, следовало бы, вероятно, хорошо поработать в течение месяца. В надежде, что вы приедете, я поговорил со многими друзьями. Для реального приезда лучше было бы сначала прислать два или три детских портрета, чтобы обеспечить себе лучшие условия. Глубоко уважающий Ф.Винсент (нем).

человек, с которым хотелось бы поговорить, это Ольга Александровна, но это не придется, наверное». Застенчивость молодого человека, несмотря на беззаботное веселье дачного времяпрепровождения, затрудняла настоящее общение и усугубляла его грустные мысли.

Большая часть этого письма посвящена делам отца. Общество Judische Kunst в Берлине беспокоилось об отсутствии ответов на их запросы, посланные известным коллекционерам Гинзбургу и Высоцкому, хлопотало о получении наследства покойного Левитана. Борис переписывает и посылает письмо Винсента, которое фактически лишало цели их поездку в Англию. А в это самое время родители уже переправлялись через Ла Манш. Открытки Бориса, посылаемые им вдогонку, вместе с самими адресатами переезжали из города в город, испещренные почтовыми штампами Брюсселя, Антверпена и Амстердама. Их ответы тоже задерживались, и описание Брюгге, где они пробыли некоторое время в нерешительности перед тем, как сестра на пароход, пришло только через десять дней.

О случайной встрече с Винсентом в Лондоне и поездке в замок Ишер, принадлежавший его брату лорду д'Абернону, Борис узнал незадолго до возвращения родителей и пересказывал в письме к Эттингеру 30 июля 1907 года:

«...Относительно жизни в Лондоне могу Вам во-первых сказать, что мое предчувствие насчет Vincent'a совершенно оправдалось. Я почему-то был уверен в том, что они так или иначе на него наткнутся. Итак, Vincent's Frage¹ разрешилась как нельзя лучше. После долгих переговоров по телефону и «лови друг друга» (я по возможности близок оригиналу) они условились, что папа и Frau Professor отправятся в загородный замок Vincent'овой невестки на завтрак, так как в этом замке находится виновник торжества, шестилетняя дочка Vincent'a. Письмо полно описаний великолепия этого замка (старинный замок принадлежал кому-то кардиналу?) Это, я думаю, расскажут они устно. Важно лишь, что папа сделал там два наброска с этой девочки, которая очень temperament voll и непоседа (между прочим мама пишет о сходстве между Жоней и этой девочкой). Не менее важно и то, что мама играла и, понятно, привела слушателей в восторг. В этот день к Винсенту приехали его племянники, господа герцоги of Ireland (16 и 18 лет). Если Вам мало и этих подробностей, то прибавлю, что прелесть их дней омрачает несколько то обстоятельство, что там bekantlich², невозможные правила насчет ко-

¹ вопрос с Винсентом (нем.).

² понятно (нем.).

стюма и этикета, которые доходят конечно до глупого педантизма. Особенно чувствительна эта перемена после Богородского уезда.»

В воспоминаниях Л.О.Пастернака о поездке в Ишер (в XVI веке бывший местом пребывания кардинала Томаса Уолси, «героя шекспировской драмы») уточнялось, что из приехавших в тот день племянников Винсента «старший (лет 15-16) носил титул шотландского герцога, а младший (лет 13-ти) никаких титулов не имел и был самым простым смертным... «По английскому закону, — добавлял Л.Пастернак, — оказывается только старший в роду наследует права, звания и титулы предков — остальные отпрыски мужского пола ничего этого не имеют». На этом же основании старший брат Винсента имел замок и титул лорда, младший же оставался «простым смертным». В 1921 году в Берлине Л.Пастернак снова встретил своего гостеприимного хозяина Герберта Сэмюэля лорда д'Абернона, где он был английским послом, а в 1924 году, когда тот стал главой английской администрации в Палестине, их вновь столкнула судьба во время краткой поездки художника в Святую землю.

По поводу английского педантизма в отношении костюма и этикета Л.Пастернак вспоминал, что их отказ принять участие в поездке в Ишер из-за отсутствия необходимого платья Винсент счел обоснованным, и они были в своей обыкновенной одежде, что не мешало радушному приему хозяев. «При прощании со мною гостеприимный хозяин, между прочим, советовал и очень уговаривал совсем переехать в Англию, где, по его словам, я был бы желанным портретистом», — заканчивал Л.Пастернак свой рассказ.

14 июля 1907. Райки

Дорогие!

Дорогие!

Простите, что пишу на открытке, которая собственно предназначалась для Феде, но не была послана; жаль 3-х копеек и вот я пишу на ней. Вчера я забыл написать вам, что номер девочкиных платьев = 65, и получил здоровый нагоняй от Oberaufsichtsrath'a. Думаю, что не поздно еще и моя рассеянность не принесет вреда. Как вы себя чувствуете, как поживаете. Желаю вам побольше сил для того, чтобы переварить ту массу впечатлений, которые вы получаете наверное. Индия пишет, что мимо нашей дачи 3 проводят электрическую конку; земля тогда сильно подымется, с чем вас и поздравляю. Мы все здоровы, все идет как по маслу, завтра приезжает Федя. Addio.

Боря.

Жоня написала закрытое письмо:

Дорогая мама и папа.

У Али и Левы на рождение были фейерверк и иллюминация все очень хорошо. У нас 12-го была хорошая погода. Какие у вас погоды? Напишите мне кому вы прислали серсо. Как вы живете. Понравилась Вам заграницей. Бабушка нам вымыла головки с дождивой водой. У нас все идет хорошо, я очень хочу вас обоих видеть, где вы живете. Напишите мне письмо или лучше открытку с картинкой мне одну и Лиде одну. У нас нехорошая погода. Я вам буду писать писма. Все целуют вас.

Папе и Маме от Жони.

Дорогие! Жоня зачем-то спрашивает о том, кому куплено серсо, в то время как я ей уже говорил несколько раз, что это куплено им. Они уже ловко играют в это Staatseigenthum¹. До сих пор никто из нас особенно не скучает без вас, хотел бы, чтобы и вы нам то же самое написали; хотя вчера, ложась спать, я с неудовольствием заметил в себе присутствие (большой дозы?) сыновних чувств, и особенно сильно они распространились на маму. Это меня очень разозлило, потому что parentibus praesentibus² умом я больше папу люблю, а parentibus absentibus³ закон природы берет верх. Но я чувствую, что у вас потекут слезы из мозгу (у меня из носу текут), а потому кончаю.

Целую вас, предварительно высморкавшись.

Барух Спиноза.

Несколько вычеркнутых строк в начале открытки были написаны несколько дней тому назад и обращены к Феде Пастернаку: «Дорогой Федя. Тебе наверное передали по телефону насчет подарков. Боже мой, если бы Аля и Лева знали, что при их рождении будет такая путаница, бедные Zwilling'i кажется решили бы не родиться на Божий свет».

Федор Карлович был старшим сыном двоюродного брата Леонида Осиповича — Карла Евгеньевича Пастернака, австрийского подданного, в то время жившего в Вене. Борис подружился с Федей, давая ему уроки русского языка, когда тот в прошлом году приехал в Москву

¹ государственная собственность (нем.).

² при наличии родителей (лат.).

³ в отсутствие родителей (лат.).

сотрудником русского отделения Bank Lyonné. Когда-то, лет двадцать тому назад семейство Карла Пастернака жило в Москве, его дети ходили в Paul Peter Schuhle в одном из переулков Мясницкой, но с тех пор их русский язык забылся, и Борис взялся позаниматься русским со своим кузеном, старшим его на десять лет.

Бабушка Берта представлена в письме Бориса как Высший институт общественного попечения.

Упоминаются полученные из Одессы известия от старшего брата Л.О.Пастернака Александра, по-семейному — Индиди, о судьбе небольшого участка земли на берегу моря, на приобретение которого год за годом выплачивались небольшие суммы, сэкономленные из семейного бюджета. Леонид Осипович вспоминал впоследствии, что мечтал о спокойной жизни на старости лет и собственном домике с мастерской. Совершившаяся в 1918 году национализация земли лишила его уже совсем выкупленного участка.

Приведем также письмо, посланное Шурой и оригинально датированное «Райки ... июля 07». По-видимому, оно было написано 12 июля и посвящено детальному описанию того же празднования рождения близнецов Самойловых. В приписке к предыдущему письму Бориса он признавался, что старший брат велел ему написать изложение на эту тему, теперь он это делает. Следует отметить разницу стиля двух братьев, четко выявившуюся в этом письме и сохранявшуюся у обоих в течение жизни. Это подтверждает известный афоризм Флобера: «Стиль это человек». Письмо младшего с детской доскональностью рисует картину серьезного отношения к праздникам, характерную для начала века. В приготовлениях принимали участие члены многочисленной семьи Бари, дядья и тетки пятилетних Али и Левы: Виктор, Ольга и Лидия, отец близнецов Александр Филиппович Самойлов и др.

Дорогие мои!

Как вы наверно узнали из Бориного письма вчера было рождение Али и Левы. Жоню и Лиду они пригласили на целый день и хотели устроить иллюминацию. Хотя Александр Филиппович был против фейерверка, но Витя, который был в городе и не зная этого привез его. Меня и Борю пригласили на чашку шоколаду в 4 часа. После него я, Боря, Ольга Александровна и Лидия Александровна пошли наверх готовить к вечеру фонарики и вставлять свечи. Фонарей была масса 75 штук, так что не хватило даже свечек, и пришлось «экспроприировать» их из подсвечников. Когда мы кончили вставлять свечки, пробило 5 часов и Боря ушел от нас, так как ему надо